

ПЕТРОС ДУРЬЯН

СБОРНИК

СТИХОТВОРЕНИЯ

Еще весенняя пора
Не подарила мне любви
И пламя светлого добра
Не вспыхнуло в моей крови, —
Но вестник смерти налетел,
Палящий ветер-суховей,
И вмиг душою завладел
И всем, что расцветало в ней.
А Тот, кто людям мир вручил,
И дал весну во всем цвету,
И сердце гордое учил
Любить добро и красоту, —
Зачем же иссушает Он
Ярчайший первоцвет весны?
Зачем в сердца вселяет стон,
Когда они любви полны? ..
Паду во гробовую тьму
Нераспустившимся цветком...
В чем удовольствие Ему
При горьком зрелище таком?
1864

ЕСЛИ БЫ

Что ты, любовь, — свет или огненный вихрь?
Нет у небес искры подобной в очах,
Нету у роз персей лилейных твоих,
Нет у луны прядей златых на плечах.

Ночь ли тиха, шлешь ты улыбку луне,
День ли горит, взглядом ты даришь цветы,
Но никогда не обернешься ко мне,
Горькой мольбы словно не чувствуешь ты.
Волей небес или же таинств земных
Лун и цветов краше нам взоры твои,
Песне твоей каждый покорствуется, тих,
Вторить тебе пробуют лишь соловьи.
Если бы я сладостным ветром порхал,
Я бы тебя нежил прохладой своей,
Я бы в тебя вечную юность вдыхал,
Я бы сдувал грусть, как пушинку, с бровей.
Если бы я плачущей розою был!
Я поутру встретил бы взор твой в саду,
Я бы росой платье твое окропил,
Зная, что смерть в неге твоей я найду.
Если бы я вился хрустальным ручьем!
Зеркалом я перед тобою бы лег,
Милый твой лик весь отразился бы в нем,
Пусть бы потом весь я впитался в песок.
Если бы я сделался искрой златой,
Ясным лучом встретил бы свет твоих глаз!
Луч бы — клянусь, — ты превзошла красотой,
В черных бровях он устыдился бы угас.
Если ж тебя взоры к иному влекут,
Я для него стану могильной плитой,
Пусть на нее слезы твои потекут...
Вот он, мой путь слиться с твоей красотой..

ВОЗЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА

Словами любви, как сердечная рана,
Вершина Голгофы мерцает багряно.
Но что ты являешь, возвышенный свет?
Еще одну пропасть? Иль голый скелет?
Изгублен усилием черного плуга
Твой трепетный зов: «Возлюбите друг друга».
Померкла Голгофа. На диком погосте
Хрустят от веселья Иудины кости,
Тупые мечи заостряются, чтоб
С молитвой пуститься в кровавый потоп,
А ядер и пуль оголтелая вьюга
Терзает хоругвь: «Возлюбите друг друга».
Чудовищной гари грозят облака нам —
То сажа, то сажа из труб Ватикана,
Воздета секира на древо креста
Наместниками Иисуса Христа.
Напрасно к дворцу припадает лачуга,
С надеждой шепча: «Возлюбите друг друга».
Что слово вдовы иль убогого значит?
Напрасно их дети голодные плачут,
Напрасны призывы их жалких лампад:
Дворцы ликованием очи слепят,
И грохот карет заглушает рыдания
Бездомных, оставшихся без пропитанья.
И сад Гефсиманский зачах, заповедный,

Парит над ним ангел, бесстрастный и бледный.

Лишь там, средь загробной, пустой тишины,

Богатый и бедный, истлевши, равны,

А здесь, где живые нас молнии губят,

Упавшего топчут и нищих не любят.

1869

К СМЕРТИ СТРЕМЛЮСЬ

Ночью осенней, бледной и благоуханной,

Звезды пылают, словно сердечные раны,

Лунного света отблеск ложится дрожащий

На лепесточек, палый и робко шуршащий,

За тростниками вьется ручей, засыпая,

Плещется искрой в струях звезда голубая,

Неугомонный, носится ветер по саду,

Лоб мой горячий трогая мирной прохладой,

Только покоя ласками не навевая, —

На пепелище искры любви раздувая,

На пепелище сердца, погибшего летом...

Звезды, лишь звезды истину знают об этом...

О поцелуе веет он напоминаьем,

Шепот и трепет слышу я в листьев шуршанье,

В отблеске лунном взоров сияние мнится. ..

К смерти стремится всякий, кто сердца лишится.

Кто эта дева — создана будто из снега,

Так что смертельна наша земная ей нега?

Если полюбит — влагой уйдет, растопившись,

Возненавидит — жжет, словно в лед обратившись.

Ясные очи — вот что я видел сначала,

Видел, как страстью круглая грудь трепетала,
Слышал я речи — голос любви настоящей,
Холод ладони чуял ладонью горящей.
Но лишь простер я к ней мои руки, стеная, —
Болью и скорбью стала краса неземная,
Очи погасли, розы-ланиты увяли,
Мне же осталось вечное бремя печали,
Мне же остались буквы могильные эти, —
Ты растворилась в небе, подобно комете.
Мне бы слезами жечь этот камень бесплодный,
Мне бы смешаться с почвой могильной, холодной
И у надгробья жалким соцветием чахнуть,
Что не умеет ни красоваться, ни пахнуть,
Денно и ночью тень твою чувствовать рядом
И обращаться в труп, пожираемый ядом.
В скорой могиле нашим объятиям слиться...
К смерти стремится всякий, кто сердца лишится.

1869

ПРОЩАЙ

Хлынул рассвет в небеса,
И засверкала роса,
И повстречалась ты мне,
Юной подобна луне.
Очи — как храмы любви,
Лилии — пальцы твои,
Щеки, как розы, горят,
Светом наполнен твой взгляд.
Всё, чем я здесь дорожил,

К милым стопам положил,
Снам я отдался навек,
Волосы стали как снег.
Ты же, меня полоня,
Вовсе не любишь меня,
Только следишь, чтобы, зла,
В сердце торчала стрела.
Чащу ли я отыщу,
Плачу, мечтаю, грущу —
Ты над моей головой
Словно смеешься5листой.
Рану ль сердечную я
«Лягу студить у ручья —
Ты, о жестокая, мне
Чудишься в каждой волне.
В горы ли правлю я путь,
Чтоб среди скал отдохнуть, —
Ветер дыханьем твоим
Шепчет, что я нелюбим.
Ночью при свете луны
Вижу я, как с вышины,
С самой далекой звезды
Мне улыбаешься ты.
Что ж, я в могилу сойду,
Там лишь тебя не найду,
Ты же прощай и живи,
Злая царица любви.

1869

ПОКИНУТАЯ ДЕВУШКА

Вот солнце растопило лед,
Оно велит — и всё цветет,
Не стало туч, не стало мглы,
И звезды на небе светлы.

Отчего ж одна

Девушка мрачна?

А солнце горы золотит,
А месяц волны серебрит,
И светлый ангел с высоты
На пир любви зовет цветы.

Клонит тяжело

Девушка чело.

И соловья слышать отсель,
Как сыплет он за трелью трель,
И птичий хор в листве густой
Беспечно вторит песне той.

Отчего ж сама

Девушка нема?

Блаженный ветер алмазы с трав
Страхнул, цветы росой обдав,
Любовный шепот он несет
И аромат медовых сот.

Отчего ж слеза

Гасит ей глаза?

Врата востока отворив,
Примчался воздуха порыв,
Благоухая и паря

И поцелуй всему даря.
Отчего ж она
Скорбию полна?
О девушка, оставь печаль,
Засмейся, глянь в златую даль,
Волну кудрей с лица откинь
И пей любовь, цветы и синь.
Милых взоров свет
Шли весне в ответ.
«Любила звезды в небе я,
В волнах цвела краса моя,
А мой венок был злат и ал,
Мне ветер о любви шептал.
Я ему вняла,
А это ложь была».

1870

33. ОНА

Если б роза весенняя
Не похожа была
На лицо юной девушки —
Кто ценил бы ее?
Если б высь поднебесная
Не похожа была
На глаза юной девушки —
Кто б смотрел на нее?
Если б юная девушка
Не была так чиста —
Где бы в мире возможно нам

Было бога читать?

1871

ШЕПОТ

Когда венок из роз укрыл
Твое чело в прощальный час,
А свет очей твоих угас,
Тогда тебя я полюбил.
Ты как дыханье ветерка
На лире сердца моего,
Ты тихий звук, не существо,
Тот звук не повторит рука.
От чуть вздохнувшей лиры той
Ты улетаешь в небеса,
И плещется твоя коса
Хвостом кометы золотой.
В молчанье звездных огоньков,
Когда Баглар-Баши молчит,
Мне сердце бедное томит
Шуршание твоих шелков.
Тебя ласкает звездный свет
И нежит тихий ветерок,
А я во мраке одинок,
И мне к тебе дороги нет.
Пусть ходит звездный окоем,
Пусть ветер спешит к цветам гостить, —
Но дай же мне хоть раз застыть
Во взоре пламенном твоём!
Но чуть опустится луна

Багровая на гребни крыш,
Как ты исчезнуть прочь спешишь
И меркнут чары полусна.
Пустынен, хладен и суров
Над кладбищами небосвод,
Невнятно смерть меня зовет
Шуршанием твоих шелков.
При свете дня я будто слеп,
При шуме дня я будто глух,
Тоскливо ищут взор и слух
Неслышной тени звездный склеп.
Рассвет не знает, стоголос,
Что шепчут мне шелка, шурша,
И рушится моя душа
В немую бездну горьких слез,

1871

35. ЛЮБОВЬ

О пламень уст! О взоров жар!
Я весь во власти ваших чар.
Хотел бы я бежать в леса,
Любить цветы, любить листву,
Любить росистую траву,
Сияющие небеса
И дней грядущих голоса
Счастливо слышать наяву.
Но шелест платья за спиной
Меня влечет на путь иной.
Хотел бы я совсем один

Дружить с прозрачным ручейком,
Его беспечностью влеком,
Уйти душой в игру стремнин,
Открыть в волне не холод льдин,
А тайну зыби с ветерком.

Но сердце слышит в тишине
Эфирный зов: «Иди ко мне!»
Хотел бы я, как брата брат,
Обнять легчайший ветерок!

126

Ах, он так ласков, так широк!
Какой чудесный аромат
Несет он нам от райских врат
Вдоль неизвестных нам дорог!
Но пламень уст шепнул: «Не ты —
Ищи иную красоту!»
Хотел бы я из лиры звук
Извлечь прекрасный и простой,
Навеки слиться с лирой той,
Не выпускать ее из рук!
Она единственный мой друг,
Непрекословный и святой.
Но мне уста любви велят:
«Забудь струну. В ней боль и хлад»,
И с глаз упала пелена:
Чистейшая, как ручеек,
Невинная, как ветерок,
Как лира чуткая верна,

Подруга мне навек дана,
И близок нашей встречи срок.
О пламень уст! О взоров жар!
Я весь во власти ваших чар.

1871

ОТКАЗ

О, пламенный, тоскливый жар!
Я раб и пленник адских чар!
Хотел ее боготворить,
Хотел постигнуть сумрак дум,
Что на чело ее, угрюм,
Кладет морщинки злую нить,
Хотел ей душу подарить
И пить шелков зовущий шум.
Но плачем, скорбью и тоской
Нарушил я ее покой.
Хотел я вечно с ней пребыть,
Войти в се страстей поток,
И трогать нежный завиток
Ее волос, и позабыть
Всё, что дано другим любить:
Листву, прохладу, ручеек.
Но отвернулись уст цветы,
Сказав: «Меня стесняешь ты».
Хотел я сделаться струной,
Что дышит под ее рукой,
Хотел стать лирой, но такой,
Что звуков всею глубиной

Согласна с ней, а не со мной,
Поит восторгом — не тоской.
Но услышал: «Тому не быть!
Не можешь ты меня любить!»
Я сердце сжег, как ладан жгут,
Чтоб в ней заволновалась кровь,
Я зря твердил ей вновь и вновь,
Что грудь болит, что стал я худ,
Что силы от меня бегут,
Что к ней стремится меня любовь.
В ответ мне издали стрела:
«Прощай! Довольно. Я ушла».
Раздумий смерч меня повлек
И жгучим ядом душу ест.
Сглотнув мечту в один присест,
Насмешливо скривился рок.
Ждет, ждет укромный уголок,
Где надо мной поставят крест...
О, пламенный, тоскливый жар!
Я раб и пленник адских чар! ..

1871

ОЗЕРО

Озеро, к чему во сне
Цепенеть твоей волне?
В твоём зеркале на миг
Лик красавицы возник?
Иль сиянье синих вод
Соблазняет небосвод,

Светозарность облаков,
Схожих с пеной берегов?
Озеро, твоя тоска
Так тоске моей близка.
Я люблю молчать, как ты,
Замирать в плену мечты.
Сколько волн рябит в тебе,
Столько дум в моей судьбе.
Сколько пены там, на воле,
Столько в сердце ран и боли.
Только если небосвод
Звезды в твой подол стрясет,
Сверху гладь освещена,
А душа — огонь до дна.
Облака в тебе не мокнут
И цветы увясть не могут.
Ты звезду не умертвишь,
Пока гладь в тебе да тишь.
Озеро с челом царицы,
В бурю что с тобой творится!
В беспокойной глубине
Удержаться дашь ты мне.
.. Я толпою оттеснен:
«Только тень да лира он».
Кто-то молвил: «Бледен, хил».
А другой — «Умрет!» — решил.
И никто не пожалеет
И не скажет: «Что в нем тлеет?

Если мир его поймет,
Может, он и не умрет...»
И не скажут: «Вскроем сердце,
Вынем горе, чтоб всмотреться
И прочесть... Там боль видна...»
Там пожар — не письмена!
Память там... И пепла слой.. <
Озеро, выиграй волной:
Разуверясь и скорбя,
Человек взглянул в тебя,
1871

ТУРЧАНКА

Вечер настал. Пламень закатный дрожит,
Как катафалк, еле карета ползет,
Девушка в ней трепетно полулежит,
Словно сестра тусклых закатных высот,
Если обронит взгляд —
Скажешь: «Гляди — закат!»
Светится вся, словно из воска она.
Льется вуаль, как похоронный наряд,
Возле щеки, что розовато-бледна.
Только глаза пламенем жизни горят.
Если чуть дрогнет рот —
Скажешь: «Гляди — умрет!»
В сердце ее курится ладан любви,

Обморок ей трогает жилку виска.
Утомлена светом и медом в крови,
Бабочка снов ищет корону цветка.
Плечиком шевельнет —
Скажешь: «Гляди — вспорхнет!»
Жаждет она стать поцелуем одним,
Буря в груди ходит высокой волной.
После — хоть прах, всеми ветрами гоним,
Лишь бы допить пламя из чаши хмельной.
Вспыхнет румянца жар —
Скажешь: «Гляди — пожар!»
«Пчелы сердец» — так называл Ламартин
Дев, что любовь тянут из сердца, как мед.
Нет! Это мир, он бесконечно един,
В кокон любви замкнут его небосвод.
Если заговорит —
Скажешь: «Гляди — горит!»
Вечным огнем, не иссякая, гореть
Так, как горит в церкви лампадка вдовы,
Ночь отсверкать, а поутру умереть,
А ввечеру — вновь оживать для любви.
Видишь — огонь поник,
Скажешь: «Ах, то на миг!»

С НЕЮ

Впервые обнял ее,
Впервые поцеловал,

Когда багровый закат,
Клубясь, вдали бушевал.
Она ладони мои
К груди прижала своей,
И я ослеп и оглох,
И замер я перед ней.
Она меня повела
К душистой зелени трав,
И угасала заря,
В ее очах отблистав.
Я лепетал... я дрожал,
Просил лобзанья дарить.
«Скажи», — шепнула она.
Но я не мог говорить.
Покуда очи горят,
Покуда сердце стучит,
Любовь не ищет речей,
Любовь не в слове звучит.
И вот угас горизонт,
Явились звезды, чисты,
Я вновь ее целовал
Во имя каждой звезды.
А шелест вольной волны
Благоуханных волос
Моим горящим вискам
Прохладу дивную нес.
О, та золотая пора!
О, как тот вечер далек!

Его в железной руке
Унес безжалостный рок.
Но тайна наших сердец
Живет в душистой траве,
Живет в сиянии звезд
И в шелестящей листве.
Обет друг друга любить
Храним мы свято с тех пор,
От страшной клятвы такой
Созвездий дрогнул узор.
И беспредельность миров
К нам обернулась лицом,
И нас природа сама
Венчала звездным венцом.

1871

РОПОТЫ

Прощайте, бог и солнце, — мир лучей,
Горящий знойно над душой моей!
Собой умножу в небесах огни.
Что звезды? Не проклятье ли они
Несчастных, неповинных душ, чело
Браздящих неба горько и светло?
О ружья огненные бога, вы —
Основы молний, перлы синевы!
Что я сказал? Испепели меня,

132

Разбей, о боже! Атом жалкий, я
Осмелился стремиться к небесам!
Желал взнестись к божественным огням!
Молюсь тебе, о боже, в дрожи мук,
Цветение и луч, волна и звук,
О снявший розу с моего чела,
Огонь — с очей, с уст — трепет, блеск — с крыла!
Ты сердцу вздохи дал и взорам — тьму!
Сказал, что в смерти я тебя пойму.
За гробом жизнь, о, верю, для меня
Ты сохранил: молитв, цветов, огня!
И если мне исчезнуть суждено,
Беззвучно, безответно пасть на дно, —
Дай бледной молнией теперь же стать,
Над именем твоим, восстав, кричать,
Что ты «бог мести», впиться в грудь твою
Проклятием, подобно острию!
Ах, я дрожу, я бледен, я заклят,
Во мне вся внутренность кипит, как ад...
Меж стонов кипарисов черный вздох,
Я — лист осенний, что поблек, иссох,
Мне искру дайте, искру, чтобы жить!
Как после грез холодный гроб взлюбить?
О боже, как судьба моя черна!
Могильной сажей вписана она.
О, влей хоть каплю пламени в нее!
Я жить хочу, хочу любить еще...
Мне в душу падайте, огни небес,

Чтоб ваш любовник горестный воскрес!
Весна челу ни розы не дает,
Ни луч с небес улыбкой не скользнет:
Ночь — гроб мой; звезды — факелы, уныл,
Блуждает месяц, плача, средь могил.
Для тех, над кем никто не сронит слез,
Ты этот месяц в небеса вознес.
Кто к смерти близки, всё же нужны тем
Сначала — жизнь и плакальщик — затем.
Писали тщетно звезды мне: «Любовь!»,
Пел тщетно соловей: «Люби же вновь!»,
Твердили тщетно ветры о любви,
И отражали ясный лик ручьи!
Напрасно лес при мне был молчалив,
Молчали листья, тайну затаив,
Чтоб не смутить мечты святой моей.
Напрасно я всегда мечтал о ней,
Напрасно вы, весенние цветы,
Струили ладан на мои мечты!
Нет, все смеялись в злобе торжества,
И этот мир — насмешка божества!

1871

РАСКАЯНИЕ

(Через день)

Вчера в холодном поту

Я в черном бреду лежал,
И жар на щеках горел,
Как пара увядших роз.
Смертельно бледен был лоб,
А я бессильно летел
Навстречу небытию.
Услышал, как плачет мать,
С трудом приоткрыл глаза —
Увидел, как плачет мать...
Увидел правду любви
И ложь про жемчужность слез,
Увидел — страждет она,
И это страданье — я...
И взвыли мысли во мне,
И я из бреда восстал...
О боже, прости меня,
Я видел, как плачет мать.

1871

БОГОТВОРЮ ЕЕ

Одетых венцом лучей,
Сиянием роз-цариц,
Нет, я не люблю таких
Торжественно-гордых лиц.
Нет, я не люблю, когда,
Дымясь, морочат меня
Из-под притихших бровей

Два жарких моря огня.
Нет, я не люблю ланит,
Бескровных, как лунный свет,
Распущенных пышных кос,
Подобных хвостам комет.
Нет, я не люблю, когда
Протяжный взгляд-краснобай,
Жеманно щурясь, сулит
Благоуханнейший рай.
Нет, я не люблю очей,
Хмелеющих на лету,
.Что словно бы норовят
Забуть свою чистоту.
Нет, я не люблю чужих
Улыбок, чья доблесть в том,
Чтоб скрыть темноту души
Поддельным красным цветком.
Но я обожаю П... э
Довольно мне на века
Луча от сердца ее,
От уст ее — лепестка.
Ее мне стали глаза
Великой звездною тьмой
Под тенью черных бровей,
Начертанных в день восьмой.
Она мне краше всех роз,
Я чувствую вновь и вновь,
Что лучезарна она,

Как лучезарна любовь.
Глядеть на нее, глядеть,
Тепло ответа тая...
Не дай ей бог охладеть!
Ах, камнем сделаюсь я.
1871

ДЕВИЧЬИ ПЕРСИ-БУТОНЫ

Лишенные света дня
Два мира эти полны
Сверкающего огня
И сладостной тишины.
Пред ними меркнет сама
Небес авзонских лазурь.
Пускай у них в небе тьма,
Но нет там молний и бурь.
Они — бутоны в тени
На вечные времена,
Благоухают они
Пьяняще, словно весна.
Но руку к ним протянуть,
Коснуться этих чудес
Незримых — значит дерзнуть,
Как не дерзал Арташес.
О трепетные шары,
Таковыми вас создал бог,
Когда, сотворив миры,

Пришел и ребро извлек.
Я весь от страха звеню,
Что, тронув бутон тугой,
Миры любви оскверню
Кощунственной рукой.
А тот, кто всё же дерзнет
Коснуться этих цветов, —
Блажен будет в мире тот
И к вечной жизни готов.

1871

44. ЧЕРПЫМ-ЧЕРНОЕ

Ах, было время, да прошло!
И был я пылок и крылат,
И, опаляя мне чело,
Мечты горели, как закат.
к ныне слез горчайший лед
Над сердцем глыбою набух
И туча черная грядет
Гасить мой свет, душить мой дух.
Златые, радостные дни, —
Я и не видел их почти,
Словно оазисы они
В пустынях моего пути,
Где, укрываясь средь цветов
И белоснежных облаков,
Я исцелялся от следов
Впивавшихся в меня оков,
Где пил любовь, где счастья клад

Был близок — руку протяни,
Покуда дожигал закат
Свои недолгие огни.
И роза для меня цвела,
И для меня плыла звезда,
Пока судьба не отняла
Всё это раз и навсегда.
Там в сердце юное мое
Пришла любовь в один из дней,
И очи черные ее
Не ведали земных скорбей.
Но в черный день вдоль черных троп
Меня толкнул мой черный сон.
Увидел я отверстый гроб
И еле понял, потрясен,
Что звезд и роз пора прошла,
Что пробил расставанья час,
Что охладевшего чела
Касаюсь я в последний раз.
Земли о гроб хрипящий стук
В ошеломленный слух проник...
О, будь он проклят, этот звук!
О, будь он проклят, этот миг!

137

Несу на сердце черный ком
Земли, как верный знак, что впредь
Путь в мир и жизнь закрыт замком,
Которого не отпереть.

1871

МАЮ

Ты девственная мать цветов,
Мой нежный май, ты весь в цветах,
Но почему в твоих перстах
Нет мне Цветка твоих садов?
Иль мне назначен май иной,
Неизъяснимый, роковой?
Ах, он парит над головой
И веет вечной тишиной.

1871

ФИАЛКА

Ах, горемычный цветок,
Что ж ты, головку склонив,
Прочь отвернулся от нив?
Что это значит, дружок?
Встретил ты в этом краю
Ту, чьих очей синева
Глубже твоей, и листва
Зависть скрывает твою?
Был бы ты розой резной,
А не фиалкой — при ней
Стал бы ты вдвое красней,
Как было с розой одной,

Чуть не погибшей в огне
Возле ее красоты.
Если б, как лилия, ты
Плавал в своей белизне,
Ты побледнел бы, мой друг,
Словно бы лилия та,
Что побледнела, взята
В лилии милых мне рук.
В час, когда к небу она
Взор поднимает, молясь,
Солнце, тех взоров боясь,
Ищет, где туч пелена...
1871

МОЙ ПОКОЙ
Пусть две слезинки падут
Из темно-серых очей
В сумрак могилы моей —
Кости мои не взойдут.
Здесь тишина,
Здесь царство сна.
Здесь мир такой —
Здесь мой покой.
1871

ИСТИННОЕ СТРАДАНИЕ
Всегда встречать иссякшим ключ,

Томиться жаждой ожидания,
Как стебель, увянуть в цвете лет —
О нет, не это есть страдание!
Свой бледный, свой холодный лоб,
Не знавший жгучего лобзания,
На мертвый камень положить —
О нет, не это есть страдание!
Ни разу не приникнув к той,
Кто вся — улыбка, обаяние,
Обнять бесстрашие земли —
О нет, не это есть страдание!
Не облегчив души больной
Сном, полным сладкого мечтания,
Уснуть под земляным плащом —
О нет, не это есть страдание!
Жить в подземелье, в нищете,
Где смрадом стеснено дыханье,
Всегда терпеть, всегда болеть —
О нет, не это есть страдание!
Но в мире быть сухим листом
И, гнет народного страдания
Не облегчив, безвестно пасть —
О, только это есть страдание!

1871

Близ океана голубого,

Где блещут золотом пески,
Когда в золе, покрывшей снова
Весь пепел грез, тех роз тоски,
Зари засветятся огни —
Мою любовь ты вспомяни!
Когда опять в листве зеленой,
Чью тень любили мы с тобой,
Где часто, в час замороженный,
Сердец мы пили сладкий зной,
Лист дрогнет, как в былые дни, —
Мои признанья вспомяни!
И утром, на заре весенней,
Когда простор и ал, и чист,
Иди в поля, в простор цветений,
Смотри, где сух, где зелен лист...
Вдруг птичка запоеет в тени:
Мои мечты ты вспомяни!
Когда ночь летняя приветит
Тебя, звездиста и чиста,
И, как фонарь, луна засветит,
Чтоб озарить твой путь, Мота,
Былым мечтам не измени,
Мою печаль ты вспомяни!
Когда посмотришь ты, угрюмый,
На черноликий небосвод
И сдавят сумрачные думы
Твое чело и взор, как гнет,
Ударит колокол... Вздохни

И смерть мою ты вспомяни!

6 октября 1871

СТОН НА МОГИЛЕ ГОРЯЧО ЛЮБИМОГО

ВАРДАНА ЛУТФЯНА

Лучами света до конца,
До замогильной тишины
Навеки соединены,
Любимый друг, у нас сердца, —
Они нам были столько лет
Страницами открытых книг.
Ты для меня был как родник,
Дарующий любовь и свет.
За днем мы провожали день
На Чамлычае, с высоты,
Где кипарисы, как зонты,
Дарили нам, скорбящим, тень.
Пред нами голубел Босфор,
Перепопавший Стамбул,
И нашу мысль к себе тянул
Небес безоблачный простор.
А если строчки облаков
Пересекали небосвод,
Мы в них читали, что ж нас ждет,
Горящей чернотой зрачков,
Но молча. Слов тщеты мирской
Нам не был нужен пережат.
Так немо факелы горят,
Один взирая на другой.

Для наших блеклых слабых крыл
Опорою была печаль,
И нам безмернейшую даль,
Увы, не этот мир открыл.
Черно у смерти молоко,
Отчаешься, его пия,
Тебе приелся вкус питья,
И ты унесся далеко.
Горя в страдальческом огне,
Я звал, тянул тебя назад¹..
Твой гаснущий, последний взгляд
Запал навеки в память мне.
Ты принят там? Отринут там?
Пришли мне с ангелами весть.
Я без тебя тоскую здесь,
И боль мешает жить мечтам.
Коль только есть там тень деревьев,
Коль бьет источник в той тени,
Коль есть любовь, коль искони
Там волен ветерка напев,—
Я гробу плоть свою предаю,
Которую изъел недуг,
И поспешу к тебе, мой друг...
Вардан! Ах, есть ли это там?
1871

МОЯ СМЕРТЬ

Если смерти ангел бледный
Мне предстанет, взор склонив,
Свеет скорбь рукой победной —
Знайте: я, как прежде, жив!
Если светом бледным свечи,
Ложу смерти озарив,
Мне зальют лицо и плечи —
Знайте: я, как прежде, жив!
Если друг, в слезах, быть может,
Льдистым саваном обвив,
В черный гроб меня положит —
Знайте: я, как прежде, жив!
Если колокол застонет —
Смерти смех, ее призыв,
И мой гроб в толпе потонет —
Знайте: я, как прежде, жив!
Если близкие, с рыданием
Гроб в могилу опустив,
Не промедлят с расставаньем —
Знайте: я, как прежде, жив!
Если ж та могила станет
Всем чужой и навсегда
Память обо мне увянет —
Знайте, что я мертв тогда!

1871

МНЕ ГОВОРЯТ

Мне говорят: «Ты что молчишь?»

Но разве речи говорит

Заря, когда она горит

Над сном немых холмов и крыш?

Мне говорят: «Ты всё грустишь!»

Как не грустить, когда с небес

Остаток звезд моих исчез

И зорь уже не возвратишь!

Мне молвят: «Нет в тебе огня.

Спокойно; словно озерцо,

Твое бескровное лицо».

На дне! — Там буря у меня¹

Себе твержу в полубреду:

«Иди скорей, куда идешь, —

В могилу. Может, там найдешь

Полет, и трепет, и звезду...»

1871

В сумерках мгла пласт за пластом поползла,

Звездную тишь дочерна заволокла,

Словно бы тень, что приволок за собой

Краткий мой день, полный любви голубой.

Всё же дрожит в синей густой глубине,

Не в небесах, может быть, а на волне,

И не звезда, может, а просто костер —

Трепетный блик тянется через Босфор.

Гаснет закат, пышного зарева прах

Пал на отрог в обледенелых горах,
Словно бы взгляд девы на крест гробовой,
Где яд любви праздник отпраздновал свой.
Тщетно мой взор чары плетет на лугу.
Нет! Сквозь туман я различить не могу
Ту, что лучам звездным ласкать довелось,
Ту, что ветрам шелк доверяет волос,
Ту, чьих кудрей тронуть хочу завиток,
Ту, что идет, грез моих жарких цветов,
Через луга, что расстилает мой бред.
Краше ее не было в мире и нет.
Свежесть с ее благоуханных ланит
Ветер крадет и с драгоценной летит,
Сея росу в диких песках по пути.
Что ж! И пескам хочется пышно цвести.
Что там цветы! Каплю бы свежести той
Тем, кто сражен светлой ее красотой!
Взгляд! Только взгляд! — Счастливы станут они,
В сумерках слез горько влачащие дни...
Брезжит сквозь мглу личико бледной луны.
Тысячи дев быть благодарны должны
Ей за урок бледностью мир чаровать,
Лица свои дымкой вуали скрывать.
Выйди, луна, и отыщи средь лачуг
Те, где огонь в жалких лампадках потух.
Не подражай хладному солнцу зимы,
Просим его, да не допросимся мы
Светом помочь бедным, пустым очагам.

Хватит вполне звездного света лугам,
Хватит вполне люстр и шандалов дворцу, - Ты же свети светлого слова творцу,

Ты же свети матери юной, чтоб та
Зрела дитя, образ младенца Христа,
Ты же свети возле замшелых колонн
Тем, кто не спит, кто безнадежно влюблен.

Я на луну часто гляжу, не таю.
Так бы смотрел я на невесту свою,
Что сквозь вуаль взор не цветами ланит —
Светом небес неизъяснимым манит.
Дальний огонь в сумраке словно исчез,
Словно ушел в бездну безвидных небес,
Тускло-багров стынет на западе пар,
Никнет закат, как догоревший пожар.
Близится час: факелы жаркой любви,
Словно закат, так догорите и вы...

Ведать бы мне, солнце, сегодня хоть миг
Грело ли ты в трепет ввергающий лик
Розы моей, той, что я страстно берег,
Так что мечтать о поцелуе не мог!
Ведать бы мне, что за святые слова
В роще густой слышала нынче листва!
Ведать бы мне!.. Ах, соловьи, соловьи!

Рощи мои, тихие рощи мои,
Милая сень, шелест тенистой листвы,
Грозди цветов, шелковый шелест травы!
Если теперь снова шелка зашуршат,
Тронув листву, что обронил листопад,

Если бродить девушка будет одна,
Мне же пред ней доля опять суждена —
Робко дрожать, пламени взора страшась,
Словно листва в прах под ногами крошась,
А надо мной птица расплачется вновь, —
Прочь, суета! Властвуй над сердцем, Любовь!.

(Прервал из-за болезни)

1871